

А. АРБАЗИНО

Владимир Набоков*

Автор «Лолиты» — уже не молодой, очень приятный господин, одетый в превосходный серый костюм, хорошо гармонирующий с его сединой. Чем-то он напоминает спокойного, исполненного чувства собственного достоинства Палаццески¹. Рядом с ним жена, женщина с виду очень деятельная, которая никогда его не оставляет; она прекрасно выглядит: безупречный цвет лица, седые, хорошо уложенные волосы, красивая фигура, красивый жемчуг, красивое черное платье, красивая горжетка из норки. Мы сидим в красивой гостиной одного из номеров гостиницы «Grand Hotel» в Риме.

Они впервые вместе приезжают в Италию, и для обоих это первое настоящее путешествие в эту страну. Да, оба уже приезжали в Милан на несколько дней — но много лет назад, еще детьми; и, естественно, тогда они еще не были знакомы. Впоследствии у них больше не было повода приехать сюда, если не считать его короткой поездки на машине с Лазурного побережья в Вентимилья незадолго до войны.

Они хотят открывать для себя Италию не спеша, чтобы насладиться этим, поэтому собираются пробыть здесь долго. Скоро они уедут из Рима, потому что здесь плохая погода и холодно. Решено уже обосноваться в окрестностях Неаполя и вернуться в Тоскану, когда погода наладится.

«Как я слышал, все вы считаете, что ваша страна становится все более вульгарной, — замечает Набоков. — Но иностранец, приехавший сюда в первый раз, обращает внимание на вещи вечные, самые что ни на есть простые: и именно они убеждают меня в том, что Италия — самая изысканная страна... Идет дождь, стоит плохая погода — неважно. Мы уже очарованы».

* Глава из кн.: *Arbasino A. Vladimir Nabokov // RIGA. Milano, 2000. Vol. 16. Maj. P. 93—96.*

Его очень легко вызвать на разговор о книге. Сейчас о ней можно услышать самые невероятные мнения, и во всем мире читатели и критики воспринимают ее совершенно по-разному: то как книгу комическую, вызывающую бурю веселья, то как мрачную, греховную (проклятую Богом), несущую в себе нечто дьявольское. Для одних это великая поэма о самом понятии любви, для других это смутный экскурс в жизнь современной Америки. Это аллегорическое изображение старой Европы, которая разворачивает молодую Америку, — или метафорический образ молодой Америки, которая толкает старую Европу к гибели. Жуткая порнография, безвкусная пошлость — или исполненная изящества беседа о темах и стилях многочисленных знаменитых авторов от Бальзака до Фрейда, от Аристофана до Пруста, Диккенса, Тургенева...²

Не стоит удивляться, что рецензенты первой книги, читая ее без определенных знаний, «слегка» теряли голову, находя в ней абсолютно все: и быстро сменяющие друг друга переживания уже зрелого человека и невинной, но вместе с тем развращенной девочки; и авантюрную поездку с ее необычными, волнующими пейзажами; и использование достаточно сильного гротеска в самых трагических эпизодах; и, самое главное, двух незабываемых персонажей — человека незаурядного ума, одержимого одной-единственной страстью, и полное жизни создание, которое играет в теннис, ест мороженое, скакает по кровати, но никто не может понять, о чем оно думает; и, наконец, изящную игру слов и фраз, тщательно подобранных и немного напыщенных... После выхода романа в Лондоне английские рецензенты также выступают с самыми разнообразными оценками.

Набоков просматривает эти статьи, только что вырезанные из газет. В одной говорится, что «Лолита» — это высокоморальное произведение, в другой — что оно глубоко непристойно. Ее считают то шедевром, написанным удивительно образным языком, то не чем иным, как сатирой, обличающей ужасы современной действительности; нравоучительной проповедью об опасности отношения к живым существам как к вещам, клиническим отчетом либо лирической картиной. Ребекке Уэст³ книга вовсе не нравится: она находит ее чрезвычайно грустной и угнетающей. Однако она сравнивает ее с неопубликованным отрывком «Бесов» о Ставрогине и девочке... Спросим же у самого автора, что он об этом думает.

«Вам наверняка известно мое мнение, — отвечает он, — для меня истинный смысл книги заключается в том, что речь идет о взаимоотношениях автора и английского языка. Мне важно

было подчинить язык самым невероятным требованиям, достичь, как фокуснику, невероятного эффекта изысканности, несмотря на то, что для меня настоящей трагедией стала необходимость оставить свой родной язык, русский язык, гораздо более богатый, гибкий, волшебный во всех отношениях. Естественно, возможных трактовок “Лолиты” очень много, но я согласен со всеми. По сути, разнообразие откликов — это лучшая похвала для автора. Чем их больше, тем лучше.

Естественно, я встречал и негативное отношение, но мне относительно повезло: обычно оно исходило от писателей, которые меня совсем не интересуют. Так что неуважение взаимно, и все в порядке. Бывали случаи, когда люди, которым не понравилась книга, решительно защищали ее от всех нападок (так поступил, например, самый значительный современный английский писатель Э. М. Форстер⁴). А случается и наоборот: люди, которые, как мне точно известно, восхищались ею, даже слишком, осуждают ее, притворяясь возмущенными, когда говорят или пишут о ней.

Более интересным представляется с определенной точки зрения взглянуть на то, чем становится феномен “лолитизма” в трактовках, предлагаемых массовыми газетами, комиксами, журналами, которые интересуются скандалами из жизни актрис. Всплывают невероятные вещи, не имеющие к книге никакого отношения. Однако самым удивительным мне кажется то, что к ней проявляет интерес так много людей простых, без литературного образования, не привыкших много читать, — они все-таки преодолевают сложность стиля, добираются до сути дела и сразу все понимают...»

«Мы получаем очень много писем от подобного рода читателей, — говорит госпожа Набокова, — и они не перестают удивлять нас. Только подумайте, многие из них начинаются следующим образом: “Я простая домохозяйка, сейчас я дома одна, дочка в школе, так что, пользуясь свободным временем, хочу написать вам и сказать, что ваша книга мне очень понравилась...” Среди них есть такие, которые “болеют” за главного героя, а многие — за девочку. Горничные в нашей гостинице в Париже все прочли нашу книгу и нашли сюжет очень трогательным. Они и мысли не могли допустить, что в нем есть и что-то смешное».

Набоков отпивает глоток виски и добавляет: «Естественно, многие, наиболее искушенные читатели утверждают, что ценность книги не столько в описании переживаний человека, но скорее в том, что она представляет собой немного фантастический репортаж об Америке наших дней, данный глазами

старого европейца, пресыщенного культурой. Однако, по-моему, «Лолита» не должна восприниматься как документальный фильм о Соединенных Штатах. Так же как бессмысленно было бы принимать Гоголя как русского репортера той эпохи, или Данте — как репортера, отображавшего жизнь средневекового общества. Взгляд художника — это явление гораздо более сложное, ему свойственна крайняя субъективность, и, по сути дела, я всегда воспринимал реальность именно таким образом. Кажется, я с детства обладал неплохими творческими способностями и даже начал рисовать. Мой учитель живописи первым делом сказал мне: «А теперь садись и нарисуй мне почтовый ящик». Естественно, я видел почтовые ящики постоянно, ежедневно. Но когда понадобилось нарисовать, изобразить его, я осознал, что не могу: я больше его не видел. Я вышел на улицу, и первый почтовый ящик, который я увидел, показался мне совсем не таким, как я думал. То есть я посмотрел на него другими глазами. И с «Лолитой» происходило то же самое. Ты смотришь на то, что тебя окружает, и это под твоим взором действительность обретает форму.

Например, в Риме первым, что мне бросилось в глаза, были старушки, которые на улицах кормят бездомных кошек. Мои итальянские друзья удивляются, когда я им это говорю: они так привыкли к этому зрелицу, что просто не замечают его. Но некоторые необычные, менее привычные моменты не перестают глубоко поражать меня, это происходит каждый раз; например, я был изумлен, увидев, как священники Ara Coeli выбивают ковры на лестнице, ведущей к церкви, не обращая внимания ни на несущийся мимо поток машин, ни на полицейских, которые следят за порядком. Это смешение истории, мифа и современной действительности, и оно каждый раз меня изумляет. Вероятно, с позиции европейца, я и Америку воспринял так же...»

Мы тут же вновь возвращаемся к разговору о «Лолите». «Я считаю эту книгу скорее трагической, чем комической, — говорит он. — В самом деле, что же это, если не история печальной девочки в очень печальном мире?» «Но если бы эта история была рассказана не героем, а самой Лолитой, — вставляет госпожа Набокова, — была бы она столь же печальной?» Набоков продолжает: «У многих читателей мой герой вызывает сострадание. У меня — ничего. В конце концов, он получил то, что хотел, и теперь за это горько расплачивается. Если рассуждать таким образом, руководствуясь чувством сострадания, происходит так, как с теми глупышками, которые жалеют бедных победителей в американских телевикторинах, где все

заранее решено. Но как можно их жалеть, когда они выиграли кучу денег? Пусть они платят...»

«Приятно ли писать подобную книгу? Не приносит ли это одновременно страдания?» — «Нет, — отвечает он, — страдание? Вовсе нет. Работу — да, и очень много, надо собрать столько материала, столько информации по темам, которые, в конечном счете, мало известны: читать книги по медицине, изучать топографические карты, заключения судов по делам малолетних... Я проделал огромную организационную работу, словно составлял не более и не менее как академический труд (кроме того, моя деятельность всегда носила ученый характер). Эту книгу писать было очень тяжело, хотя и небезинтересно: многие страницы мне пришлось выбросить или переделать. Я особенно хотел, чтобы гнетущая, немного завораживающая сторона книги тесно переплелась бы со стороной комической. Таким образом получаешь удовольствие от игры, но в то же время испытываешь смятение, оказавшись вовлеченым в столь драматическую ситуацию...»

«Вы не опасаетесь того, что теперь все будут бегать за вами, чтобы узнать ваше мнение об итальянских девушкиах?» — «Что за вульгарные обобщения! — отвечает он, — я сказал бы, что не выношу пустых разговоров: вы ведь понимаете, что я не в первый раз слышу подобные вопросы...» «Да, это так, — подтверждает его жена, — вот уже два года, как нас ни о чем другом не спрашивают. Не правда ли, дорогой?» «Конечно, дорогая, — отвечает он, — а потом, скажи мне, знакома ли ты с какой-нибудь итальянкой?» «Не думаю, — говорит она, — да, в Америке мы знакомились с итальянскими юношами или с детьми итальянцев, но итальянок мы не знаем, возможно, в Америку они не едут...»

«А тех, что вы видите на улицах?» — «Все похожи на Бардо, так же как и повсюду в мире, но эта мода уйдет через три месяца. В мое же время все были похожи на Грету Гарбо (и это до сих пор мой идеал...). Однако должен признаться, — продолжает он, — что итальянские женщины в повседневной жизни мне кажутся гораздо оригинальнее других: они гораздо более независимы от стандартов в поведении... у них очаровательные манеры... это настоящая “художественная” любовь к жизни... даже у горничной, которая приносит салфетки, жесты просто очаровательны...» «Наверняка эта горничная — художник», — парирует госпожа Набокова.

«А что теперь?» — «Я напишу о приключениях романа “Лолита” в разных странах, и у меня есть уже достаточно забавная история для журнала “Нью-Йоркер”. К тому же я подумываю о новой книге, которая будет совершенно другой. “Лолита”

пишется всего лишь один раз... Все примутся сравнивать... Ничего, я к этому готов».

«Но, в итоге, что же такое “Лолита” на самом деле?» — «Что за вопросы... Что за бесполезные вопросы... Лучше было бы расслабиться, читая эту книгу, которая есть просто история, и не надо искать в ней “послания”, которого нет... Мораль этой книги — сама книга. Вы хотите понять ее мораль? Так прочтите ее!»

*Перевод с итальянского
Чечилии Пило Бойл и Юлии Чубаровой*

КОММЕНТАРИИ

¹ Палаццески (1885—1974, наст. фам. Джурлани) — итальянский поэт и прозаик.

² Подборку статей о «Лолите» см. в кн.: Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. М., 2000. С. 268—335.

³ Статью Ребекки Уэст «„Лолита”: Трагический роман с ехидной ухмылкой» см.: Там же. С. 301—303.

⁴ Э. М. Форстер (1879—1970) — английский писатель, киносценарист, критик.

